

К вопросу о типологии пресуппозиций (на примере отрывка из романа Г. Грасса «Бескрайнее поле»)

С точки зрения современного парадигматического знания взаимодействие категорий человек и действительность не вызывает сомнений. В лингвистической науке эта взаимосвязь рассматривается как способность человека воспринимать действительность через язык и общение, так как «человек – существо общественное» [1, с. 6]. Основу общения в широком смысле составляют три взаимосвязанные категории – *язык, культура, мышление*.

Еще В. фон Гумбольдт указывал на то, что язык – это «часть культуры» [2, с. 22], промежуточный мир между народом и окружающим миром – *Zwischenwelt* [2, с. 26]. Одновременно, язык является «когнитивным механизмом, играющим роль в кодировании и трансформации информации» [3, с. 3].

Создавая или воспринимая высказывание в процессе коммуникации, каждый человек независимо от лингвальной или культурной принадлежности, прежде всего, опирается на свой опыт и знания о мире, соотнося сказанное с действительностью и производя мыслительные операции по выявлению смысловых ядер текста. Таким образом, в структуре коммуникации определяются три уровня презентации знаний – языковой, национально-культурный и когнитивный, в сфере последнего и находится рассматриваемая нами проблема пресуппозиции.

Относя пресуппозицию к ментальному уровню коммуникации, нам становится более ясной природа данного явления. Мы определяем ее как некоторый обязательный фонд или комплекс знаний разного уровня, находящийся в области мыслительной деятельности человека (некий опыт) и необходимый для успешного процесса коммуникации (по Г. В. Колшанскому, Т.А. Зарубиной). Однако существует целый ряд теорий и точек зрения, как на саму природу данного понятия, так и на его классификацию.

В качестве основных целей нашей статьи мы определили рассмотрение различных способов классификации, выработку основных принципов типологии пресуппозиции с помощью метода логического сопоставления точек зрения и как следствие – выявление возможных типов пресуппозиции.

Определенные типы пресуппозиций в лингвистике выделяются в зависимости от аспекта рассмотрения – *когнитивно-прагматического, культурно-языкового и логического*. Некоторые языковеды в своих

классификациях основываются лишь на одном из аспектов, другие же определяют данное явление с точки зрения совокупностного подхода.

Когнитивно-прагматический аспект позволяет рассматривать пресуппозицию как те «условия, которые должны быть удовлетворены до того, как предложение может быть использовано в какой-либо коммуникативной функции» [4, с. 260]. Этот аспект заложен в классификации Ч. Филлмора, выделяющего пресуппозиции «от соответствия содержания высказывания условиям внеязыковой ситуации... до удовлетворения условиям, не связанным с содержанием высказывания, но необходимым для осуществления речевого акта» [4, с. 260].

С позиции этого же аспекта рассматривает пресуппозицию и В.В. Красных. В зависимости от соотношения с определенным когнитивным пространством (индивидуальным, коллективным пространством или когнитивной базой), актуализируемым в определенном типе коммуникации, выделяются три основных типа пресуппозиции: 1) микропресуппозиция (соотносится с ИКП), 2) социумная, константная пресуппозиция (соотносится с ККП), 3) макропресуппозиция (соотносится с КБ) [5, с. 24].

То есть, это некий «макрокогнитивный пласт» [5, с. 25], находящийся в области ментального знания коммуникации – оперативная структура сознания, созданная на пересечении когнитивных пространств коммуникантов и представляющая собой зону общих знаний и представлений.

Культурно-языковой аспект позволяет выделять типы пресуппозиций с опорой на пропозицию предложения. Такую классификацию данного явления предлагают И.П. Иванова, В.В. Бурлакова и Г.П. Почепцов (со ссылкой на Ч. Филлмора), рассматривая ее как некую данность, выраженную «в предложении в неявной форме», это «выводимое из него <предложения> суждение» [4, с. 260]. При этом данные исследователи выделяют следующие основные признаки пресуппозиции – выводимость из предложения, неявность, «нечувствительность» к отрицанию предложения и прагматичность содержания [4, с. 261].

Основываясь на пропозицию содержания, эти лингвисты выделяют следующие типы пресуппозиции: 1) «фактивные», которые вводятся определенным классом глаголов «умственной деятельности и психических процессов», присутствуя преимущественно «в содержании предложений с придаточными частями, а также с неличными формами» [4, с. 262], при этом такое предложение воспринимается «как истинное, отражающее реальность, иначе говоря, как факт» [4, с. 263]; 2) «эмотивные пресуппозиции» выражаются через эмотивные сказуемые, предполагающие «определенное субъективное эмоциональное отношение автора предложения к комплементу,

которое можно определить как соответствие/несоответствие желанием и ожиданиям говорящего» [4, с. 265].

Логический аспект является определяющим в классификации пресуппозиций, данной Э. Кеенаном, на основе «их формального определения в терминах основных понятий математической логики – истинности и логического следствия» [6, с. 240]. При этом ученым выделяются два типа – логические и прагматические пресуппозиции: «логическая пресуппозиция в конечном счете определяется на основе отношений между основными структурами и миром. Прагматические пресуппозиции определяются на основе отношений между высказываниями и их контекстом» [6, с. 241]. Среди логических пресуппозиций выделяются девять подтипов логического следования. В то время как для прагматической пресуппозиций актуальным становится понятие «уместности согласования предложения с определенными пресуппозициями» [6, с. 241].

Однако достаточно сложно рассматривать пресуппозицию лишь в одном аспекте ввиду многогранности данного явления. Поэтому некоторые лингвисты предлагают совокупностный подход к его интерпретации и классификации.

Так, в русле семантико-прагматического подхода рассматривает пресуппозицию М.Л. Макаров, трактующий данное понятие «с текстоцентрической точки зрения... как частный случай инференции – как суждение, выводимое из данного высказывания по правилам истинности/уместности. С другой стороны, по своему определению эти суждения относятся к предварительным условиям реализации высказывания, что ближе коммуникаторо-центрическому подходу дискурс-анализа» [7, с. 133].

Отсюда следует выделение двух типов пресуппозиций: 1) семантическая пресуппозиция как «особая разновидность семантического следствия» [7, с. 133] с двумя подтипами: потенциальные пресуппозиции предложения в нулевом контексте и актуальные пресуппозиции высказывания в реальном контексте [7, с. 134]; и 2) прагматическая пресуппозиция, понимаемая как отношение между говорящим и уместностью высказывания в контексте» [7, с. 136].

Схожую точку зрения на проблему пресуппозиции высказывает К.А. Филиппов, определяя тот факт, «каким образом фонд внеязыковых знаний используется участниками коммуникации при формировании содержательной связности текста», то есть это некий «компонент общих знаний говорящего и слушающего» [8, с. 225].

При этом К.А. Филиппов различает два типа пресуппозиции: ситуативные или прагматические (нем. *gebrauchsgebundene*), связанные с человеческим

знанием о типовых ситуациях общения, происходящего «в материальной и духовной сферах, в предметной и интеллектуальной коммуникации» [8, с. 255]; и языковые (*zeichengebundene*), разделяющиеся в свою очередь на референциальные (*referentielle*) и семантические (*semantische*) [8, с. 256]. Референциальные или экзистенциальные пресуппозиции относятся «к уровню предложения» [8, с. 256], а семантические обусловлены семантикой отдельных слов и выражений.

Классифицировать пресуппозиции в рамках логико-семантического подхода предлагает И.Г. Сабурова, рассматривающая пресуппозиционные отношения как формулу «X предполагает Y, где Y является тем, что предполагается в предложении и не затрагивается содержанием, а X – это то, что предполагает, или предполагающее» [6, с. 244]. Отсюда следует выделение трех основных типов данного понятия: 1) пресуппозиции, связанные со структурой предложения и возникающие из «невозможности определения X в поверхностной структуре»; 2) пресуппозиции, не связанные со структурой предложения, а «полученные с помощью критерия отрицания, или без оногo»; 3) разнообразная группа, которая «объединяет пресуппозиции собственно предложения, связного текста и экстралингвистической реальности» [6, с. 248].

Все три аспекта классификации пресуппозиций лежат в основе емкостной типологии данного явления, предложенной В.З. Демьянковым со ссылкой на зарубежных авторов: 1) логические пресуппозиции (по R.D. Wilson) как «отношение между двумя предложениями – предпосланным и предпосылающим, возникающее в силу их логической соотнесенности и совпадающее с отношением импликации, когда главный предикат предложения является фактивным» [9, с. 131]; 2) прагматические пресуппозиции (по E.L. Keenan), то есть «те условия или контексты, которые должны иметься, для того чтобы предложение было понято в его «преднамеренном» значении (т.е. чтобы замысел говорящего по передаче задуманного значения осуществился)» [9, с. 132]; 3) семантические пресуппозиции (по R. Stalnaker) – «отношение между предложением и пропозицией, им выражаемой» [9, с. 132].

Н.Д. Арутюнова, представляя достаточно обширную классификацию пресуппозиций, помимо указанных, называет также 1, а) коммуникативно нерелевантные элементы значения предложения (экзистенциальные пресуппозиции); 1, б) коммуникативно нерелевантные компоненты значения слова, обеспечивающие правильное отнесение слова к денотату; 2) семантическая детерминация одного слова или высказывания другим словом или высказыванием в тексте (синтагматические пресуппозиции); 6)

представления говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции). [10, с. 89].

Итак, мы рассмотрели несколько признанных в лингвистической науке классификаций понятия пресуппозиции. Все они сходятся в одном – пресуппозиция есть единица ментально-лингвальной деятельности коммуниканта. Она соединяет в себе все три вышеуказанных аспекта рассмотрения, то есть пресуппозиция – это целый комплекс взаимосвязанных частей, выраженных или не выраженных в пропозиции текста в зависимости от того, каким аспектом они представлены.

Культурно-языковой аспект позволяет выделить открытый способ выражения пресуппозиции, так как представляет скрытую информацию, заложенную в тексте с помощью языковых средств (относя сюда все уровни языка как системы: фонетический, лексический, фразеологический, морфологический и синтаксический), а также путем прямого указания на реально существующие объекты и явления действительности (экзистенциальные или референциальные, фактивные, эмотивные, контрафактивные, экстралингвистические и т.д.).

С другой стороны существует целый комплекс условий и следствий, удовлетворение которых необходимо для адекватного понимания информации и которые находятся вне границ того или иного текста. К таким условиям относятся знания ситуации общения, норм поведения, данные участников коммуникативного акта, социальные и национальные особенности ведения диалога, нормы логического следования и т.д. Весь этот набор внеязыковых знаний находится в области когнитивно-прагматического и логического аспектов рассмотрения пресуппозиции и определяет ее закрытый способ выражения в тексте.

Таким образом, вслед за В.Я. Звегинцевым [6, с. 268], мы указываем на два способа выражения и вычленения пресуппозитивных знаний – открытый и закрытый. При этом оба способа находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности, так как без языковой компетенции и фоновых знаний сложно определить коммуникативную цель и перлокутивный эффект высказывания. Знания же языка дают возможность установить конситуацию общения, кроме того, именно в языке заложены особенности организации и регулятивные единицы того или иного продукта речевой и литературной деятельности.

Указанные нами способы выражения пресуппозитивных знаний мы попытаемся выявить на примере отрывка из романа Г.Грасса «Бескрайнее поле» [11, Р. 16-24], посвященного историческому моменту разрушения Берлинской стены.

По нашему мнению закрытую область пресуппозитивных знаний составляет, прежде всего, *коммуникативная цель или намерение* как главный фактор организации любого текста, реализация которой являет собой этап воздействия информации на получателя. В художественном тексте коммуникативная цель тесно связана с авторским замыслом, то есть с реализацией речевого поведения автора. Коммуникативное намерение указанного отрывка выражается в рассмотрении исторических событий объединения Германии как параллельных прямых с возможностью их одинаковой интерпретации:

«... nur so was ist wichtig. *Schlachten, Siege, Sedan und Koeniggraetz* sind null und nichtig. Alles Mumpitz und ridikuel. Deutsche Einheit, reine Spekulation! Die erste gelungene Schnuersenkelschleife jedoch, die zaehlt» (Только это важно. Битвы, победы, Седан и Кениггрец – все ничтожно. Все смешно и обманчиво. Объединение немцев, чистая спекуляция! Первый самостоятельно завязанный узелок на ботинках – вот что считается) (речь идет о многочисленных попытках объединения страны, начиная с 1866-1871 гг. до описанных в тексте событий 1989-90гг.).

В закрытой сфере пресуппозитивного знания находится также *перлокуция*, представляющая собой этап достижения эффекта в процессе коммуникации. В художественном тексте перлокуция выражается в определении стереотипа или характера жанра, в рамках которого и достигаются основные цели.

Так, в данном отрывке перлокуция реализуется в своеобразной форме передачи происходящего через сочетание небольших повествовательных островков с достаточно четкими границами, что дает довольно пеструю картину событий. При этом, герои, подобно Фонтане, путешествующего по маркграфству Бранденбургскому (имеется в виду книга Т. Фонтане «Путешествия по Бранденбургской Марке», написанная между 1860 и 1880-ми гг. в четырех частях, посвященных описанию жизни и быта «старой доброй Пруссии» до объединения с остальными марками (=графствами) под единым флагом), используют прогулку как возможность обсудить и прокомментировать происходящее. В основном преобладают реплики Фонти, но они не являются единственно возможной перспективой. Его партнер Хофталлер вносит свою лепту в комментарии. Фонти достаточно скептически относится к теме воссоединения. Именно после воссоединения он вдруг оказывается приверженцем критикуемого им ранее строя ГДР. Хофталлер же является шпионом. Как представителю такой профессии ему совершенно не нужно иметь свое мнение, он должен быть орудием происходящего. И так как его условия труда после воссоединения остались достаточно хорошими, он приветствует реформу с некоторой долей цинизма. Хофталлер является сигналодатчиком Фонти, без него нельзя представить себе происходящие

беседы. Он – персонификация удобной диктатуры ГДР (как это представлено в романе) – всемогущего, угнетающего, но в то же время заботливого государства [12, с. 141-159].

Определению и установлению коммуникативной цели и характера любого текста служит знание языка, то есть *языковая компетенция или файл жанра*, находящийся в открытой области пресуппозитивной базы. Это те знания, которые мы выявляем непосредственно из пропозиции текста или высказывания и которые представлены всеми уровнями языка:

1) фонетический уровень рассматривается как использование арсенала звуковых средств, но так как мы исследуем письменный текст, то в качестве единицы данного уровня мы определяем графему (термин И.А. Бодуэна де Куртенэ). В указанном отрывке фонетическое своеобразие реализуется через отражение диалектических особенностей немецкого языка. Так, действительность отражают диалоги с использованием берлинского диалекта. С одной стороны это объединяет, с другой – разделяет. В первом случае диалог состоялся с полицейскими западной части. Автор подчеркивает отчужденность людей, прямо называя полицейского *Westpolizist* (западный полицейский) – «*Zulaessig isset nich, aber verboten noch wenjer*» (Это конечно не допустимо, но еще меньше это запрещено) (типичная замена *g* в определенных позициях на фрикативный *j*, сращение местоимения в качестве суффикса с глаголом *isset – ist das*, «проглатывание» слов – *nich-nicht*). Во втором диалоге встречается мальчик из восточной части, его речь ведется также на берлинском диалекте – «*Ob Se mia mal nen Schnuersenkel bindenkoenn? Kann ick naemlich nich. Bin erst fuenfe... Na naechstet Mal kann ick selba.*» (не могли бы вы завязать мне шнурок? Я сам не могу. Мне только пять. ... Так, в следующий раз я завяжу сам) (выделение определенного слова путем добавления окончания *e – fuenfe*; после долгого гласного *g* превращается в *a – mia* вместо *mir*; берлинского диалекта не коснулся закон второго передвижения согласных, когда, например, *k* превратился в *ch*, отсюда *ick* вместо *ich*; типичное еканье – дифтонг *ei* и звук *a* произносятся как *e* или долгое *ee* – вместо *sie – se, det – das*). И именно ребенок дает толчок к подведению итога отрывка, передающего основную идею текста: «*Die erste gelungene Schnuersenkelschleife jedoch, die zaehlt*» (Первый самостоятельно завязанный узелок на ботинках – вот что считается);

2) лексический уровень мы понимаем узко как набор лексических единиц, находящихся в семантических отношениях, то есть как тезаурус. Например, тяжелые воспоминания героя о берлинском восстании 1953г. переданы лексикой высокого стиля, что еще более усиливает недовольство и

разочарования героя: «Untilgbar hing ihm der 17. Juni an...» – «неизгладимо лежало на нем бремя 17-го июня»;

3) фразеологический уровень реализуется отдельно, так как фразеологические единицы в отличие от других номинативных единиц «... возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [13, с. 82]. При этом данные единицы являются наиболее «культуроносными» [13, с. 9], «фразеология ... своя в каждом языке» [13, с. 67]. То есть фразеологические единицы относятся к ментальному уровню восприятия и отражения действительности в языке и речи. «Nichts steht fuer immer» - «Нет ничего вечного» - (обрывок афоризма Поля Фора – «нет ничего вечного, увы, кроме вечности») таким известным выражением резюмирует главный герой речь своего друга, который не согласен с разрушением стены, по его мнению, так когда-то необходимой всем;

4) морфологический уровень понимается нами достаточно широко – от словоизменения до словообразования и морфологической типологии. «Tagundnachtschatten» - так называет автор партнера Фонти Хофталлера, в котором выражаются основные идеи исчезающего государства. Это слово является примером практически неограниченного словообразования в немецком языке, заключающегося в морфологическом соединении не только двух и более корней (основ), но и полных слов (в одном слове слились четыре – Tag, und, Nacht, Schatten);

5) под синтаксическим уровнем мы понимаем особенности организации, строения и регулятивные единицы того или иного продукта речевой и литературной деятельности. Так, в виде кратких простых предложений, по сути разбитого на части предложения, осложненного однородными сказуемыми, выступают воспоминания одного из героев, подчеркивая важность каждой отдельной детали в нем: «Wurde strafversetzt. Saß im Staatsarchiv rum. Rutsche in ne depressive Stimmungslage. Habe deshalb den Arbeiter- und Bauern-Staat verlassen müssen. War aber keine prinzipielle Sinnkrise...» (Был переведен на другую работу в порядке дисциплинарного взыскания. Сидел в городском архиве. Впал в депрессию. По этой причине должен был покинуть страну рабочих и крестьян. Но это вряд ли можно назвать принципиальным кризисом мысли...).

Кроме знаний языка существует еще одна сфера, пронизывающая все вышеназванные уровни пресуппозитивной базы – *энциклопедический уровень*. Данный уровень, как и языковая компетенция, находится в открытой области пресуппозитивной базы и представлен фоновыми знаниями,

заложенными внутри текста и описывающими реальность, присущую данной национально-лингвальной общности людей: Arbeiter- und Bauer-Staat (страна рабочих и крестьян) – ссылка на государственный социалистический строй ГДР; Jetzt kann man ja offen reden(сейчас можно говорить открыто) – ссылка на особенности прежнего режима; Aber das wissen Sie ja, dass ich schon immer gesamtdeutsch ... (но вы же знаете, что я всегда остаюсь неразделенным немцем) – указание на разделение немецкого народа на два государства; Junge Frauen ... schenkten den Soldaten Blumen ... und natuerlich Bananen, jene dazumal demonstrativ beliebte Suedfrucht (Молодые женщины дарили солдатам цветы и, конечно, бананы – так в последнее время открыто любимый экзотический фрукт) – ссылка на советские времена дефицита, после падения стены эти фрукты были завезены в ГДР и приобрели популярность как объект идентификации восточных немцев с немцами Запада и т.д.

Энциклопедический уровень нельзя приравнять к одному из указанных уровней, так как владение фоновыми знаниями отражает владение языком.

Итак, в любом тексте мы сталкиваемся с двумя типами пресуппозитивных знаний – это знания, опосредованно выраженные в пропозиции с помощью языковых средств, то есть открытая пресуппозиция. Либо мы выводим определенные сведения, основываясь на логической и когнитивно-прагматической деятельности, эти знания находятся вне текста и представляют собой закрытую область пресуппозиции.

Такое рассмотрение пресуппозиции как совокупности нескольких видов знаний позволяет производить более глубокий анализ текста (в широком смысле слова), включая практически все области речемыслительной деятельности человека от владения языком до активации когнитивных операций, необходимых для кодирования, дешифровки и адекватного понимания информации.

Мостовая М.Н.

Литература:

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 259 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник/ В.П. Белянин. – 2-е изд. – М: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2001. – 232 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. – 190 с.

4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
6. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Издательство Московского Университета, 1976. – 308 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – 336 с.
9. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981. – С. 115-132
10. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1973. – Т. XXXII. Вып. 1. – С. 84-89
11. Grass G. Ein weites Feld. Roman. – Göttingen: Steidl Verlag, 1995. – 780pp.
12. Schneider S. Lektüren für das 21. Jahrhundert: Klassiker und Bestseller der deutschen Literatur von 1900 bis heute. – Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, Bayerische Julius-Maximilians-Universität Würzburg, 2006. – 256pp.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.